

ПОСЕВ

ЕЖЕНЕДЕЛЬНИК ОБЩЕСТВЕННОЙ И ПОЛИТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

POSSEV Sozialpolitische Rundschau in russischer Sprache. Deutschland
Social and Political Review in Russian Language. Germany
Hebdomadaire politique et social en langue russe. Allemagne

В НОМЕРЕ: А. Самойлов — 250 лет российской печати; По стране; В. Виктор — 35 из 250; А. Н. — Политические заметки; Корреспонденции из Марокко, Италии и Турции; Отчет Свободного союза русско-немецкой дружбы; Л. Зальцберг — Кризис капитализма; А. Николин — Трагедия российского либерализма; Б. Полянин — «Демократический централизм»; А. Караваев — Певец народной правды; В. Борисов — Коммунизм и капуста; А. Кашин — За бамбуковым занавесом.

Адрес редакции и издательства: Verlag „Possev“ - Frankfurt/Main, Merianstraße 24 a.
Представительство редакции в Берлине: „Possev-Vertriebung“ - Berlin-Grünwald, Hohenzollerndamm 59-60

Выходит по воскресеньям
Цена отдельного номера в розничной продаже 70 пф.

IX ГОД

ВОСКРЕСЕНЬЕ, 18 ЯНВАРЯ 1953 г.

№ 3 (349)

250 ЛЕТ РОССИЙСКОЙ ПЕЧАТИ

Дважды большевики обокрали великого преобразователя России царя Петра Алексеевича: сперва придав Северной Пальмире имя растлителя нашей родины Ленина, затем объявив «днём печати» 5 мая — день выхода в 1912 г. № 1 газеты «Правда».

Рукописные куранты начали выходить в России с 1620 г., но в точном смысле рождение русской периодической печати следует отнести к 2/13 января 1703 года, когда, 250 лет тому назад, увидел свет № 1 типографской газеты — «Ведомости о военных и иных делах, достойных знания и памяти, случившихся в Московском государстве и в иных окрестных странах».

К началу XIX столетия российские читатели располагали десятком печатными журналами. В годы 1841-1850 было уже 57 изданий различных направлений; в годы 1851-1855 — восемьдесят восемь; в последующие тринадцать лет начали выходить ещё шесть газет и 150 журналов.

Уже к семидесятым годам XVIII в. российская журналистика достигла известного расцвета, чему способствовала энергичная деятельность талантливого Н. И. Новикова, выпускавшего журналы «Трутенъ», «Живописец» и «Московские ведомости». Его взгляд на цели и задачи свободной печати получил тогда всеобщее признание: общественный долг печати — служить народному благу, независимая печать — общественная совесть. И Н. И. Новиков в исполнении этих принципов был непоколебим. Сама императрица Екатерина Великая говорила о Новикове: «Всегда успевала справляться с шведами, турками и поляками, — не могу сладить с армейским поручиком!».

В 1836 году увидел свет «Современник» Пушкина, по смерти великого поэта перешедший к П. А. Плетнёву, а с 1847 года к поэту-гражданину Н. А. Некрасову. «Современник» высоко нёс знамя идейности и служения.

В 1857 г. в Лондоне начал издаваться А. И. Герценом его «Колокол». Влияние «Колокола» на российскую интеллигенцию и, более того, на жизнь России, сказывалось чрезвычайно сильно: сменялись полицмейстеры, губернаторы и даже министры, попавшие под обстрел «Колокола». На столах императора и его министров можно было найти этот журнал. Им зачитывались. Редактор «Колокола», в период до польского восстания, был популярнейшей личностью; его называли русским Вольтером. Политические противники отдавали ему должное. Так, издатель «Гражданина» кн. В. П. Мещерский в своих воспоминаниях пишет: «Смешно вспоминать — явился новый страх — Герцен, явилась новая служебная совесть — Герцен, явился новый идол — Герцен.» Другой противник, Борис Чичерин, признавался Герцену: «Вы — сила, вы — власть в русском государстве».

Принцип служения, которому был верен Герцен, и который придавал ему столько силы, весьма ярко подчеркивал и Добролюбов. Отвечая Герцену в «Современнике», он писал: «...мы никому не уступим в горячей любви к обличению и гласности».

Советская пропаганда зачислила Герцена в свой актив, но напрасно: Герцен никогда не мог примириться с марксизмом и с воззрениями Чернышевского. «Марксисты, — говорил он, — серная шайка», марксисты — проповедники классовой ненависти, коммунистической барщины и «режима людоедов».

Сегодня на нашей родине — режим людоедов, при котором печать перестала быть публицистикой и превратилась в протокольную периодику партийной пропаганды. Первый редактор первой российской печатной газеты, Пётр Великий, рассматривал печатное слово, как средство расширения умственного кругозора народа, — лидеры КПСС видят в печати средство унификации этого кругозора, предельного сужения его: печать для них — средство тотального порабощения духовных сил человека, средство извращения общественного мнения.

Советская пресса лишает человека собственных мыслей, она вдалбливает ему штампы, исходящие от Управления пропаганды и агитации КПСС. Советская пресса потеряла все признаки бывлой русской прессы. Лидеры коммунизма боятся свободного слова.

Зарубежная российская печать, пользуясь свободой, имеет возможность и обязана блюсти заветы своих славных предков: нести слово правды угнетённому народу. И свободное слово, не зная преград, как Герценовский «Колокол», проникает на родную землю и в советскую оккупационную армию. Слова правды глубоко западают в души русских людей, снимают чувство страха и высвобождают скованную волю.

Освобождённая этим народная воля приведёт к торжеству свободного слова.

А. Самойлов

ПУТЬ К КОММУНИЗМУ

Наблюдатели: Любопытно, что из этого получится...

ПО СТРАНЕ

НОВАЯ ПОСТАНОВКА МГБ

После длительной паузы в раскрытии «заговоров» внутри страны, кремлевские маньяки террора разрешились от бремени страха и кровожадности новой инсценировкой: 13 января советские газеты («Правда», «Известия», «Труд») и радио сообщили о разоблачении в СССР «террористической группы врачей-вредителей».

Разоблаченные «преступники» (терапевты профессор Виноградов, М. Коган, Б. Коган, Этингер, Фельдман, Гринштейн, Егоров и др.), «как установлено документальными данными, злодейски подрывали здоровье» руководящих работников советской партийной олигархии, ставили неправильные диагнозы больным, а затем применяли неправильные же методы лечения. Злодеи «сознались» в том, например, что пользовались неправильной диагностикой при лечении болящего Жданова и «таким образом умертвили его», что ряд таких же приемов применяли для ухудшения болезни Щербакова, и т. д. Мало того: врачи-преступники пытались, оказывается, «ослабить военную мощь СССР, путем... подрыва здоровья крупнейших военных работников (маршалов Говорова, Василевского, адмирала Левченко и прочих).

Идиотизм всего этого, заимствованного из романов Дюма, вымысла об отравителях — самоочевиден, в этом не сомневается никто из знакомых с злощасной фантастикой тоталитарных горилл: советские люди помнят еще анекдот, ходивший

в связи с обвинением профессора Плетнева в отравлении Горького, — говорили, что профессор «сознался» также в отравлении... Шота Руставели, жившего, как известно, восемь веков назад (такова степень «сознательности» у попадающих в застенки МГБ). Интересно, следовательно, не фактическая сторона нового «заговора», а целенаправленность инсценировки.

Она проясняется из самой же советской информации: «гнусные изверги и убийцы» (бранный набор чрезвычайно обилён) оказываются, на й м и г а м и, выполняющими свое черное дело за «доллары и стерлинги». Евреи Коган, Фельдман и др. были, якобы, связаны с некоей международной еврейской организацией, которая в свою очередь выполняла американские диверсионные задания, и т. п. Таким именно порядком и осуществлялась «чудовищная задача по истреблению руководящих кадров СССР...»

Конечно, не только дальнейшему раздуванию ненависти к американским «поджигателям войны» принесен в жертву миф о «беззаветной преданности» советской интеллигенции сталинскому режиму и почти полном отсутствии «инакомыслящих». — «Раскрытие» заговора с еврейскими фамилиями рассчитано прежде всего на внутренне-политическое употребление: новая кровавая судорога партийной сатрапии стремится оживить бдительность:

«Сильно еще рогозейство в наших рядах! — взывает «Правда». —